ЛИСА ПАТРИКѢЕВНА (*).

Жилъ–былъ гдѣ–то старичекъ со старухой; добряки они были добряки, да ужъ такіе бѣдняки, что бывало хлебаютъ изъ миски воду, а запиваютъ изъ чашки водою–жъ. И жили они при бѣдности мирно, любовно, жили какъ блонь съ корой; въ одномъ только не было у нихъ ладу: коли хлѣбца ломоть Богъ пошлетъ имъ, да накрошутъ они его въ воду, то старикъ, помолившись и кинувъ щепоть соли въ тюрю, помѣшиваетъ ложкой–самодѣльщиной *по солнцу*, на себя; а старуха, коли перекрестится да подсядетъ, знай побалтываетъ ложкой противъ солнца,

---

*) Сказка или вѣрнѣе притча эта, выставляя въ забавныхъ примѣрахъ нравственный перевѣсъ слабой, но лукавой лисы надъ прочими животными и особенно надъ волкомъ, есть насмѣшка надъ хитростію и краснобайствомъ съ одной стороны, а тупостію или простоватостію съ другой. Она у насъ извѣстна, въ особенности на Украйнѣ, подъ названіемъ: «лисичка сестричка, та волкъ панебратъ», а въ русскихъ губерніяхъ зовутъ ее «Лисой Патрикѣевной.» Она же, нѣсколько въ иномъ видѣ, есть почти у всѣхъ европейскихъ народовъ; списки въ стихахъ на нижне–саксонскомъ нарѣчіи принадлежатъ къ XV вѣку; на нидерландскомъ къ XIII; на франкскомъ къ XIII; на германскомъ къ XII–му, на латинскомъ, къ XII–му; полагаютъ, что баснь эта сочинена первоначально на древне–франкскомъ (германскомъ) языкѣ, а потомъ распространилась въ Нидерландахъ, Германіи, Франціи и проч. Какъ она перешла къ намъ — не знаемъ, но кажется черезъ южную Россію, гдѣ она болѣе извѣстна.

отъ себя. Вотъ въ чемъ у нихъ только и была разладица; жили они дружно и мирно лѣтъ сорокъ, и состарѣлись вмѣстѣ и собирались вмѣстѣ въ могилу; а какъ за ложку — такъ и въ брань; старикъ говоритъ: «мѣшай на себя», баба говоритъ: «мѣшай отъ себя.» Что–бы имъ поспорить о томъ, съ которой стороны ложку въ ротъ заносить — такъ нѣтъ; хоть ѣда–то и немудрая, а безъ всякой околицы прямо въ ротъ попадаютъ, оба, сами себя не обносятъ.

И бѣдность, и голь — а все таки былъ у старичка любимый пѣтухъ — говорятъ, правда, будто былъ у него пѣтушокъ–золотой–гребешокъ, да врядъ–ли; я думаю, что давно бы ужъ досталось щеголю ходить безъ прически, распустивъ хохолъ — такъ былъ у старичка просто пѣтухъ, а у бабы просто на просто курочка. Старики любили ихъ какъ дѣтокъ; а они — и курица съ пѣтухомъ, и старикъ со старухой — были бездѣтны. Пришло наконецъ для стариковъ время тугое, ѣсть нечего, хоть ногти грызи — а брюхо злодѣй, стараго добра не

помнитъ; вотъ, подумавъ хорошенько, вплоть до вечера, старички и положили: зарѣзать да сварить домочадцевъ своихъ; больше не придумали ничего. Кого жъ напередъ въ горшокъ? всякому своего жаль. «А вотъ какъ сдѣлаемъ», сказала старуха, «пойдемъ, да станемъ ловить — я курочку свою, ты пѣтушка, кто прежде поймаетъ, тому ужъ видно судьба такъ порядила, тотъ и клади птицу свою въ горшокъ.» Ладно, пошли. Ходили, ходили по двору — нѣтъ, не даются, ни курочка ни пѣтушокъ. Покосилась баба на старика — видитъ дѣло не чистое; вмѣсто того, чтобы ему скорѣй хватать пѣтушка, а онъ его отъ себя изподтишка гонитъ. Взглянулъ и старикъ на бабу — она только что руками разводитъ передъ собой, ровно слѣпая, или будто въ потьмахъ щупаетъ; а пальцы разставила словно вилы. «Постой, старуха», сказалъ старикъ, «давай такъ: кто первый поймаетъ птицу свою, тотъ и правъ; а которая не дастся, ту и въ горшокъ.» Только что успѣлъ сказать это старикъ — хвать, въ одинъ разъ, онъ

поймалъ пѣтуха, а она поймала курочку. «Стало быть одна доля суждена имъ обоимъ», сказалъ старикъ; «я же такъ проголодался, что мнѣ курочка съ пѣтухомъ на одинъ зубокъ: давай сюда обоихъ.» Принесли ихъ въ сѣни; старикъ взялъ ножъ, поточилъ его на порогѣ, да и сталъ подавать старухѣ — такъ она не беретъ: по русскому–де обычаю бабѣ не годится птицу рѣзать, не ея это дѣло; управляйся самъ. Старикъ взялъ ножъ, поглядѣлъ на него, повелъ по немъ пальцемъ, остеръ–ли — да оба вмѣстѣ и заплакали. Не сказавъ ни слова, выпустили они пѣтуха съ курицей опять на дворъ, а ножъ кинули въ столъ, гдѣ онъ бывало леживалъ, какъ слѣдуетъ, съ краюхою хлѣба, а гдѣ нынѣ пришлось ему полежать одному.

Вотъ какіе добряки были старички наши! А какъ только, выпустивъ пѣтуха съ курицей, взяли въ руки по ложкѣ, чтобъ хлѣбнуть водицы, да хоть этимъ обмануть голодъ свой, — то и побранились. Мѣшай по

солнцу! нѣтъ, мѣшай противъ солнца; по солнцу моровая ходитъ!

Тѣмъ часомъ курица съ пѣтушкомъ, разгуливая по улицѣ, стали разсуждать о томъ, для чего–де носили ихъ въ избу? Курочка говоритъ: «видно–думали не съ яичкомъ ли я, такъ хотѣли посадить подъ печь;» но пѣтушокъ говоритъ, «тогда, меня–то не зачѣмъ было бы носить туда, вѣдь я, сама ты знаешь, развѣ во сто лѣтъ одинъ разъ снесу яичко, да и то маленькое и не съѣдомое *). А вотъ, говоритъ, должно быть дѣло было такъ и такъ; хотѣли они было приколоть насъ, да жаль стало, и отпустили. Имъ бѣднымъ, вишь, ѣсть–то нечего.

Тогда и курицѣ съ пѣтухомъ жаль стало своихъ старичковъ и пошли они искать, не найдутъ ли чего, чѣмъ накормить ихъ. «Вѣдь мы же сыты бываемъ», сказала курочка, «отъ водомоины этой, куда всякій соръ кидаютъ, такъ авось накормимъ и еще двоихъ.» Рылись они и искали долго, не

---

*) Во сто лѣтъ одинъ разъ, по народному повѣрью, пѣтухъ долженъ снести яйцо, въ родѣ куринаго спорышка. Если дѣвка проноситъ яичко это 6 недѣль подъ мышкой, то изъ него выйдетъ змій, который будетъ служить на дѣвку разныя службы.

жалѣя ногтей, и хвастунишка пѣтухъ не разъ уже подзывалъ курочку, будто нашелъ кладъ, да все пустяки, все не то: либо казявка какая нибудь, либо что нибудь и того хуже. Вотъ наконецъ однакоже послалъ Богъ пѣтуху пшеничный колосъ, а курочкѣ макову головку. Оба закричали разомъ, оба ухватили находку свою клювомъ и пустились бѣгомъ домой, осторожно однако, чтобы не выронить зернышка Божьяго дара, и взлетѣли съ разбѣгу на призбу, подошли къ маленькому оконцу, да и начали постукивать носомъ въ тусклое стекло. Старикъ приподнялъ оконце, выглянулъ на улицу, и подозвалъ старуху: «Посмотри–де какое гостинце домочадцы наши принесли!» Пѣтушокъ, храбро расшаркавшись молодцомъ, проговорилъ свое *спасибо*, хоть по старой привычкѣ и съ запинкой да растановкой, — и подалъ старику пшеничный колосъ; а курочка, присѣвъ и наклонивъ головку, будто сама хотѣла въ руки даться, заикнулась было разъ–другой, да видно больно прилегло къ сердцу, что не смогла

ничего проговорить — и молча подала родимой своей макову головку.

Обрадовались старички, что хоть курочка съ пѣтухомъ попомнили имъ добро да утѣшили ихъ на бѣдность да на голодъ; старикъ и принялся было выколупывать по зерну изъ пшеничнаго колоса, чтобы изгрысть ихъ по одному, да старуха его остановила: «Постой», говоритъ, «праздникъ на дворѣ; люди пироги пекутъ, а мы то какъ будемъ? терпѣли мы долго, такъ ужъ потерпимъ еще немного, да покрайности будемъ и мы съ пирожкомъ, не хуже людей.» Старикъ послушался ее, говоритъ: «это твое, бабье, хозяйское дѣло, стряпай какъ знаешь.» Вотъ они вымолотили изъ колоса зерно, да смололи его; потомъ, вытряхнувъ макъ изъ маковой головки, истолкли его, прибавили ради славы, капельку медку и состряпали себѣ пирожокъ. Затѣмъ, какъ печи истопить имъ было нечѣмъ, такъ они приподняли оконце, да и поставили пирожокъ свой на солнышко, чтобы хоть заскорузъ немного —

облизали пальцы, да и стали дожидаться, покуда онъ испечется.

Сдѣлавъ дѣло это, старички стали придумывать отъ бездѣлья, какъ–то они сладко ѣсть станутъ пирожокъ свой, да запивать его водицей; какъ накроютъ они сперва столъ чистымъ рядномъ, ради праздника; какъ подадутъ на кружкѣ деревянномъ пирожокъ да станутъ его дѣлить, помолившись; какъ идучи къ обѣднѣ похвалятся передъ людьми, что и мы–де сегодня, благодаря Бога, не безъ пирога — а промежъ разговора, старуха пошла приготовить бѣлое рядно, а старикъ взялъ ножъ, да сталъ скрести и чистить кружокъ, который въ голодную пору навалялся подъ лавками и въ подпечьѣ.

Объ это самое время шли оврагомъ подъ селомъ два побратима, братъ съ сестрой, дружные, какъ рыба съ водой: это были сестричка–лисичка, Лиса–Патрикѣевна то есть, да сѣрый братишко ея, бирюкъ. Патрикѣевна водила его подъ часъ съ собою, когда выходила на промыселъ, чтобъ при случаѣ подставить спину его

вмѣсто своей. Оно, коли судить здраво и безъ предубѣжденій, конечно сходнѣе и выгоднѣе обойдется, чѣмъ подставлять свою; особенно если вспомнить, что по бывшимъ примѣрамъ, иногда на промыслахъ этихъ можно тулупъ свой оставить въ рукахъ у непріятеля. Ну, словомъ, на эту пору волкъ съ лисой пробирались оврагомъ подъ селомъ, провѣдать, не наткнутся ли гдѣ на съѣстное. Видно нужда и голодъ — коли не жена да дѣти — заставили бѣдняковъ пуститься на такое незаконное и незавидное ремесло, и пригнали новыхъ односумовъ нашихъ подъ самое жилье. Вдругъ сестричка остановилась, приподняла переднюю лапку, повела моргая рыльцемъ да усиками въ сторону, чихнула, чтобы прочистить носъ, опять повела туда же — и послышала тонкимъ чутьемъ своимъ лакомый медовой пирожокъ на низкомъ оконцѣ. Она толкнула сѣраго подъ пахъ, чтобы его надоумить о находкѣ; а сѣрый стоялъ въ это время дуракъ дуракомъ, подгорюнясь какъ горе–богатырь, и только

что хотѣлъ было затянуть горемычную пѣсенку свою; испугавшись этого нечаяннаго толчка, онъ поджалъ хвостъ, да и махнулъ было черезъ оврагъ. «Стой, глупый человѣкъ», сказала лиса, «куда ты? стой смирно, да понюхай хорошенько, вотъ сюда, вотъ въ эту сторону!» — А что? — «Да развѣ не слышишь?» — Нѣтъ, сестрица, ничего не слышу! — «Ну, братъ, видно ты чутье свое подтормозилъ!» — Ничего не слышу, сестрица, хоть убей! — «Что–то малорослое» продолжала лиса, «а страхъ хорошо пахнетъ! Подойдемъ–ка поближе, да понюхаемъ; да ну, чего ты робѣешь, ровно подъ своего брата крадешься! Иди; вонъ, видишь ли, гляди, вотъ что пахнетъ, да еще и медкомъ; это надо–быть пирожокъ лежитъ; украдемъ его!» — Украдемъ, сестрица, — сказалъ волкъ. «Ну, такъ ступай же», сказала лисичка, «ухвати зубами.» Волкъ подумалъ — нѣтъ, сестрица, ступай лучше ты, да подползи; меня увидятъ, я больно толстъ, а увидѣвъ, какъ разъ перелобанятъ. — Вотъ сестричка и

напустилась на него: «ахъ ты старый хрѣнъ, сѣрый хрычъ! Развѣ ты забылъ, что уговоръ у насъ былъ: все пополамъ? стало быть и горе и бѣда, и нужда и страхъ — все дѣлить надо; принимай на себя, не сваливай; а коли я сама пойду да унесу, такъ развѣ я дура буду, что тебѣ отдамъ? Я нашла, а ты постарайся; пошолъ, сѣдой лѣшій, пошолъ добро, да иди смѣлѣй, не бось, не оглядывайся; подбѣги борзо, да и ухвати; что ты о себѣ задумалъ! да если и увидитъ кто тебя оборванца, такъ никому и въ голову не придетъ, что это волкъ; тебя много–много что сочтутъ за паршивую собаку! Погляди на себя на срамца, развѣ ты похожъ на порядочнаго волка?»

Хоть сѣрый нашъ и вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, когда лисичка–сестричка помянула непригодное словцо: *собаку*, потому что онъ былъ смала застращенъ както няньками да мамками и страхъ не любилъ собакъ; — оправившись однакожъ онъ побѣжалъ въ перевалку, свиною скачкой, къ оконцу нашихъ старичковъ, гдѣ лежалъ на солнышкѣ пирожокъ сыроѣжка.

Между тѣмъ старички уже собирались было отвѣдать этого пирожка и прихлебнуть свѣже–просольной водицы, да опять уже, по обычаю своему, и поссорились; они не могли порѣшить, къ себѣ–ли, отъ себя–ли надо побалтывать ложкой; за споромъ–то они пирожокъ свой и прозѣвали; волкъ схватилъ его, очертя голову съ окна, и побѣжалъ. Старикъ, оглянувшись увидалъ это, да и закричалъ: «прочь собака!» а самъ схватилъ посохъ свой, чтобы догнать на улицѣ эту собаку и отбить свой пирожокъ; старуха, которая ничего не видѣла что случилось, и думала что старикъ выбранилъ ее, а самъ хочетъ отъ нея бѣжать, — закричала: «постой, старый бѣсъ, не бранись!» а сама кинулась за нимъ, поймала его за ноги и уронила бѣдняка на–земь, такъ что онъ раскроилъ себѣ лобъ о порогъ. Сорокъ лѣтъ вѣку изжили старички наши вмѣстѣ, а этого между ними не случалось; шуму, крику и плачу было много; созвавъ кумовьевъ, сватьевъ и сосѣдей, они насилу помирились, рѣшивъ, что ихъ стало быть

попуталъ бѣсъ; видно–де къ окну подбѣгалъ оборотень какой–нибудь, который унесъ и пирожокъ, напустивъ мару и на насъ. Оставимъ же ихъ теперь и посмотримъ, что дѣлаютъ наши односумы.

Отбѣжавъ за село въ овражекъ, они остановились и сѣрый, выпустивъ изо–рта пирожокъ, по которому у него слюнки текли, честно дожидался лисички. Какъ только она подоспѣла однакоже, то онъ и хотѣлъ было сейчасъ же, не выждавъ урочнаго часу обѣда, начать дѣлежъ пирожка. «Постой–же», сказала лиса, которой вовсе не хотѣлось подѣлиться съ волкомъ, «еще успѣешь; что ты всегда такъ жадничаешь, будто боишься что отымутъ: во первыхъ, еще рано; добрые люди только что къ обѣднѣ пошли; во вторыхъ, понюхай–ка, вѣдь у тебя чутье тонкое, ты всегда этимъ славился — пирожокъ маленько не дошелъ, онъ еще сыроватъ; а ты самъ знаешь, что отъ этого не хорошо бываетъ, это не здорово. Положимъ его лучше на часокъ еще на солнышко, да и сами тутъ ляжемъ, и отдохнемъ послѣ

трудовъ; полюбуемся на Божій міръ — а проснувшись и перекусимъ вмѣстѣ.»

Сѣрый проворчалъ было про себя, что давно–де пора бы обѣдать и совсѣмъ не рано; подумалъ также про себя, что пирогъ онъ одинъ унесъ, и могъ бы, кажись, оставить его за собой; однако совѣстно стало ему лисы, которая такъ красно и умно говорила и при томъ назвалась ему сестрой — онъ и не сталъ спорить, а легъ, одѣлся своимъ тулупишкомъ и уснулъ. Лиса только этого и ждала: она тотчасъ вскочила, подошла тихонько къ пирожку, выѣла всю начинку, то есть макъ съ медомъ, и насыпала въ пирожокъ сухой пыли изъ дождевика — все одно тотъ же табакъ; потомъ опять искуссно задѣлала пирожокъ и прилегла.

Между тѣмъ сѣрый облизывался во снѣ, помахивая хвостомъ. Проснувшись, онъ всталъ, потянулся, зѣвнулъ, и видя что лиса спитъ еще крѣпкимъ сномъ, подумалъ: вотъ, неповинная душа, спитъ себѣ, — не какъ нашъ братъ, грѣшникъ окаянный, который нигдѣ не найдетъ покою…

Взглянувъ однакожъ на добычу свою, на пирожокъ, сѣрый подошелъ спроста и безъ умысла понюхать его, чѣмъ–де пахнетъ, да не дошелъ–ли онъ на солнышкѣ? — А лиса вскочила, да кинувшись на него со всѣхъ ногъ и напустилась: «ты–де, облѣзлый тулупъ, хотѣлъ одинъ по себѣ съѣсть, а мнѣ бы опять послѣ сказку сплелъ? Ты, старый воръ, все такъ дѣлаешь; ты только и видишь во снѣ и на яву, чтобъ украсть, стянуть что нибудь, да обидить бѣднаго и честнаго человѣка?» Волкъ божится, клянется, что только тѣмъ и виноватъ — коли виноватъ — что хотѣлъ понюхать не дошелъ–ли пирожокъ. «Ой ты, старый воръ», сказала лиса, какъ будто ей ужъ и жаль стало стараго за свою напраслину, «знаю я тебя; вотъ только–бъ я не устерегла, такъ и простилась бы съ пирожкомъ. Ну, давай дѣлить, нечего съ тобой дѣлать; ломай пирожокъ — да смотри, не обдѣли: по ровну!» Сѣрый прикинулъ глазомъ, взялъ пирожокъ въ зубы, да и спрашиваетъ сестрицу: — такъ ладно будетъ, что ли? — «Ну ладно, ладно,

полно балагурить, ломай, да ломай у меня смотри въ одинъ разъ, не кроши!» Сѣрый надломилъ, чихнулъ, вытеръ морду о траву, фыркнулъ, опять чихнулъ, да и глядитъ на лису. «Что на тебя не впору чохъ напалъ», сказала она подбѣжавъ, «ба, да это что? Это ты обжора напроказилъ? ты выѣлъ начинку, между тѣмъ какъ я отдыхала, повѣривъ чести твоей, да еще и насыпалъ туда какой–то пыли!»

Волкъ присѣлъ по собачьи на заднія лапы, облизался, опять чихнулъ, покачалъ головой и сказалъ: — Не грѣшно тебѣ, сестрица, такъ на меня наговаривать! Да не я ли проспалъ весь Божій день, голодный; рядомъ съ тобою? —

«Врешь ты, лакомый ягнятникъ, это ты», кричала взвизгивая Лиса Патрикѣевна, бросаясь на него со всѣхъ сторонъ; «ты съѣлъ начинку — да отъ тебя и медомъ пахнетъ, да!» Волкъ божится, клянется; чтобъ мнѣ сквозь землю провалиться; чтобъ мнѣ вѣкъ отъ добрыхъ людей добра не видать, коли я безъ тебя глядѣлъ на пирожокъ твой, не только подходилъ къ

нему — а каковъ въ немъ вкусъ живетъ, такъ этого я не видалъ и во снѣ! — Но лисичка кричитъ свое, ничего не слушаетъ, мечется на волка, хлещетъ его хвостомъ по глазамъ, и даже того оправданія не принимаетъ отъ волка, что еслибы самъ онъ начинилъ пирожокъ табакомъ, то не сталъ бы раскусывать и послѣ отъ этого поганаго зелья чихать. «Нѣтъ», говоритъ лиса, «все врешь, это ты такъ схитрилъ; принимай очистительную пытку, да пожалуй и я съ тобой — я этого не боюсь — шила въ мѣшкѣ не утаишь, все выйдетъ наружу: ляжемъ сей часъ рядомъ брюхомъ противъ солнышка; на комъ на первомъ выступитъ отъ жару воскъ на тѣлѣ, тотъ и виноватъ, тотъ и съѣлъ начинку съ медомъ, и тому за нее отвѣчать, безъ всякихъ отговорокъ.» — Пусть будетъ по твоему, — сказалъ волкъ, — авось тебя Богъ накажетъ; а пусть я буду безъ вины виноватъ, коли сбудется это надо мною. —

Легли. Волкъ, у котораго съ молоду была привычка спать отъ бездѣлья съ утра до ночи безъ просыпу, особенно въ

праздничный денекъ, да еще и на солнышкѣ — волкъ захрапѣлъ себѣ тутъ же, а лиса вскочила и побѣжала промышлять.

Бѣжитъ, бѣжитъ она мелкою собачьею рысью — глядитъ, старый кумъ ея, отставной мельникъ Михайла Потаповъ, медвѣдь то есть, укралъ гдѣ–то цѣлый улей и ворочается съ нимъ, какъ лѣшій съ колодой: лапы въ летокъ не просунетъ, тѣсно, кору всю на немъ изодралъ когтями — а толку нѣтъ; реветъ, а дѣла не сдѣлаетъ. «Здорово куманекъ», сказала лиса, повиливая пушистымъ хвостомъ; «что ты связался съ колодой? аль кто тебѣ ее вмѣсто чурки на шею навѣсилъ?» — Да вотъ хотѣлось бы медку полизать, — отвѣчалъ мишка, утирая лапой потъ съ лица, — да не дается. — «Эхъ кумъ куманекъ», отозвалась лиса, обнюхавъ улей, «все ты не сподручно за дѣло берешься; ты откуда унесъ его, съ пасеки вѣдь у мужика, у криваго Антропки?» — Съ пасеки, — отвѣчалъ кумъ, утираясь рукавицей, — вѣстимо что у мужика; а

кривой ли онъ Анропъ, нѣтъ–ли, не видалъ я, признаться, не до того было. Я еще у отца покойника въ загонахъ живалъ, да и пѣстунъ у меня сердитъ больно былъ; такъ съ этого, что–ли, а только ину пору такая робость нападетъ, что всего насквозь пройметъ — и ужъ тогда уплетаешься, съ тѣмъ что Богъ послалъ, безъ оглядки. — «Ну видно что такъ», сказала лисанька; «а то, лучшебъ тебѣ, Михайла Потаповичъ, поѣсть–было у этого мужика готоваго медку изъ корыта.» — А нешто есть у него? — «Какже, есть; онъ собирается вишь свадьбу играть, отдаетъ дочь за Степана Поджараго — такъ собирается тамъ варить и стряпать всякую всячину: вотъ онъ и припасъ меду цѣлое корыто, да и поставилъ соты на солнышко, чтобъ отекли.» — Не видалъ я этого признаться, — сказалъ Топтыгинъ, — да гдѣ же медъ у него стоитъ? подойти можно? — «Пойдемъ вмѣстѣ, кумъ», подхватила Патрикѣевна, «я тебя доведу и покажу: смѣло иди. Я вдоволь наѣлась, такъ надо же и другому доброму человѣку услужить, особливо

куманьку. Пойдемъ, покуда не убрали соты, да не поставили на ночь въ печь.»

Пошелъ кумъ за кумой, лиха не чая, и прямо за нею къ мужику на дворъ. Тутъ лежалъ толстый дубовый кряжъ, надколотый съ одного конца, а въ трещину загнанъ былъ до половины толстый клинъ. Лиса все это смѣтила и высмотрѣла заранѣ и теперь шла себѣ смѣло, зная, что если бы ихъ и застали вдвоемъ, то ужъ конечно мужикамъ было бы не до лисы, а все село поднялось бы на дѣдушку Топтыгина. «Вотъ кумъ», сказала она, «вотъ тебѣ и корыто, а въ немъ и медъ; засунь туда морду свою, а не то доставай лапой, да и ѣшь, сколько душѣ угодно.» Михайло Потаповичъ хоть и проворчалъ было что–то про себя, что не ловко–де, тѣсновато, да и не слыхать тутъ кажись меду — однакожъ запустилъ таки лапу въ широкую щель; а лисанька, поучая его какъ доставать медъ, да въ которую сторону подальше запускать лапу, вдругъ ударила по клину; — клинъ выскочилъ, дубовый кряжъ только

щелкнулъ, сомкнулся, и мишкина лапа засѣла въ лещедкѣ, ровно приросла.

Заревѣлъ дѣдушка не своимъ голосомъ, да такъ, что вмигъ всполошилъ все село; а лисанька, какъ только увидѣла, что дѣло сладилось какъ нельзя лучше, не дождалась конца этой заунывной пѣсни, махнула черезъ тынъ, черезъ другой и третій — только труба у нея по вѣтру рѣетъ, — и пропала, ушла изъ вида.

Встрепенулся народъ, выскочилъ на улицу, да туда, гдѣ Мишка благимъ матомъ караулъ кричитъ. «Братцы! медвѣдь! да отколѣ онъ взялся? да какъ онъ сюда попалъ? Да на цѣпи, что ли онъ посаженъ у Антропки? аль въ капканъ попался? Бить его, что ли?» — Бить, кричатъ всѣ въ голосъ, бить! — Какъ услышалъ бѣдный космачъ нашъ слово это, да увидѣлъ, что лапу до скончанія вѣка ему не вытеребить, то взялъ онъ въ охабку дубовую колоду, самъ всталъ на дыбы, да и пошелъ домой. Хоть плохо няньчиться съ такимъ не роженымъ дѣтищемъ, подумалъ онъ, однако все лучше, чѣмъ класть тутъ голову

на плаху. Народъ вокругъ него кишма кишитъ: да какъ только кто насунется близко, то Мишка замахнется куклой своей въ бокъ да въ сторону — опять народъ и разбѣжится; а онъ знай дальше да дальше. Такъ его съ крикомъ, съ шумомъ весь міръ почетно выпроводилъ за село, до самаго лѣсу, да тамъ съ нимъ и раскланялся. «Ну, счастье твое что ушелъ», кричали ему вслѣдъ «а кабы не упустили мы тебя, такъ не ушелъ бы николи!» — Толкуйте вы, — проворчалъ Мишка про себя — тутъ и ушелъ, да нерадъ; не знаешь какъ и быть; что я теперь дѣлать стану съ этой колодой? вѣкъ что–ли съ нею няньчиться? Ну, ужъ развѣ не попадется мнѣ кума проклятая, а то я ее причешу и приголублю. Не чаялъ я такого грѣха. . .

Между тѣмъ лиса пробѣжала въ одинъ духъ безъ отдышки на мѣсто, гдѣ медвѣдь покинулъ улей; а какъ у нея лапка не въ кумову рукавицу, то она и повытаскала изъ улья соты, медъ съѣла, а вощины принесла, облизавъ ихъ, туда, гдѣ она съ односумомъ опочивъ держала. Волкъ спитъ, и не

просыпался. Вотъ лиса взяла воскъ и облѣпила имъ сѣраго кругомъ, а сама обчистилась, облизалась, и легла на свое мѣсто, оборотившись, по уговору, брюшкомъ прямо на солнышко. Ей, какъ сытой, не скучно было и полежать да отдохнуть; но волкъ скоро проснулся. Сталъ онъ самъ себя оглядывать, и не знаетъ, что это съ нимъ сталось! а лисанька подскочила и давай его обнюхивать — и принялась теребить: «Это что, милостивецъ мой, а? да ты, братъ, весь въ воску, какъ въ репьяхъ; погляди–ка на себя! Что, хорошъ? Такъ вотъ она какова, правда твоя, неповинность твоя хваленая, вотъ она напраслина, вся наружу вышла! Хорошъ, хорошъ; ай да товарищъ!» Волкъ бѣднякъ пожалъ плечами — да и только. — Виноватъ я, коли такъ, виноватъ да и только. Стало быть съѣлъ я начинку эту во снѣ; а завѣдомо не грѣшенъ; ни, ни... — «Ну», кричала лиса, «ужъ я знаю, что у тебя, какъ у московскаго сидѣльца, за отговорками дѣло не стоитъ; объ этомъ что и говорить! Вишь, напала спячка на сѣраго;

ты спишь только когда вотъ эдакъ проказишь, а какъ до дѣлежа дѣло дойдетъ, такъ небось, не проспишь?» — Полно же, не бранись сестрица, — сказалъ сѣрый, стаскивая съ шубы своей зубами вощины, — ну вѣдь я тебѣ разъ повинился; чего жъ тебѣ еще? вѣдь ужъ я тебѣ пирога другаго не испеку, хоть ты надсядься. Лучше вотъ что: пойдемъ вмѣстѣ промышлять — у меня такая возня въ желудкѣ, ровно тамъ цѣлая стая гончихъ потѣшаются — да ужъ нечего дѣлать, терпѣлъ двои сутки, потерплю еще; первая общая добыча твоя, безъ дѣлежа, развѣ сама что изъ чести пожалуешь. Пойдемъ, да не грызижъ мнѣ больше голову, надоѣла! —

Пошли. Патрикѣевна однакоже знай все твердитъ односуму своему, для памяти, «что гляди–де, первая добыча моя, а ты нахалъ не смѣй трогать ее; смотри, не забудь.» Сѣрый только вздохнулъ, да промолчалъ. Вдругъ лисанька погналась за мышкой, чуть не поймала ее — однакожъ оплошала какъ то, и мышка подъ носомъ у нея ушла въ норку. «Рой», говоритъ волку

Патрикѣевна, «рой сейчасъ, да скорѣй, не жалѣй лапъ!» — Сестрица, — говоритъ волкъ, — ну стоитъ ли мышенокъ такой работы? помилуй, еслибъ это былъ хоть по крайней мѣрѣ теленочекъ... — «Ой ты лѣнтяй, обжора», напустилась на него лиса: — «Иванъ, иди молотить — брюхо болитъ; Иванъ, иди кисель ѣсть! — а гдѣ моя большая ложка? — Это съ тебя съ плута взято, ты точно таковъ и есть! А уговоръ забылъ? развѣ не ты обѣщалъ покаяться въ обжорствѣ своемъ и загладить вину свою, постараться при первой добычѣ для меня?»

Нечего дѣлать сѣрому — принялся. Рылъ онъ рылъ часа два, всѣ когти ободралъ, и не разъ одышка его брала, такъ, что языкъ на четверть вывѣсилъ — а сестрица лежитъ подлѣ на боку, да все только знай погоняетъ: «поскорѣй, не лѣнись, копай!» Наконецъ дорылся; мышенокъ выскочилъ, лисанька поймала его, спровадила въ одинъ глотокъ и облизалась. «Пойдемъ дальше», говоритъ, «не найдемъ ли еще чего.» Сѣрый

покосился на нее, встряхнулся и сказалъ: — Ну что же, сестрица, поквитались мы теперь, что ли? — «Поквитались, теперь мы опять товарищи и ровни.» — И всякая добыча пополамъ? — «И всякая добыча, кто бы ни поймалъ, пополамъ.» — Ну, пойдемъ, коли такъ. — Пошли.

Идетъ по дорогѣ обозъ съ рыбою, везутъ тарань вяленую съ Дону. Лиса тотчасъ смекнула, какой это товаръ, и думаетъ: постой, надо какъ нибудь ухитриться, чтобъ съѣсть рыбку; вяленая тарань — это мнѣ по вкусу; да надобно сбыть съ рукъ вотъ этого дурака, чтобъ не мѣшалъ. Я люблю его водить съ собою тамъ, гдѣ мнѣ нужны зубы, спина да ноги его; а съѣсть тараньку — это я съумѣю и одна, только бы ее достать. — «Послушай», сказала она сѣрому, «поди ты забѣги впередъ, вонъ къ тому кургану, видишь? Тамъ залягъ и лежи; а я отсюда кинусь, да распугаю весь обозъ; вотъ какъ все это понесется тебѣ навстрѣчу, такъ ты ужъ не зѣвай: любаго вола выбирай, да и потроши; а извощиковъ я угоню за возами, въ другую

сторону.» Сѣрый — видно такой породы былъ — привыкъ слушаться; онъ поплелся рысцой въ присядку околицей, и залегъ на томъ мѣстѣ, гдѣ указала лиса.

А лисичка–сестричка забѣжала впередъ обоза и легла растянувшись поперегъ дороги, словно покойница: лапки разметала, зубы оскалила, глаза прищурила, сама не дышетъ: извощики наѣхали, поглядѣли — убитая лиса на дорогѣ лежитъ; вотъ Богъ далъ находку! видно потерялъ охотникъ, либо сама, сердечная, скончалась; ну, спасибо ей. Извощикъ поднялъ ее: «О, да видно она ужъ довольно полежала тутъ — ужъ и смердитъ немного — ну, ничего.» Извощики бросили ее на возъ, и пошли опять своей дорогой подлѣ обозовъ, а сами давай спорить, кто первый увидалъ ее и кому шкура достанется. Спорили, спорили, наконецъ рѣшили: мѣряться всѣмъ имъ по лисьему хвосту; кому достанется кончикъ, того и лиса; тотъ будетъ хозяинъ вину, которое вымѣняютъ на лису, и будетъ подчивать и угощать другихъ. Вотъ они подошли всѣ къ возу — лисаньки нѣтъ:

только мѣсто знать, гдѣ лежала. Тогда мужики стали догадываться, что стало быть–де Патрикѣевна была жива; поглядѣли еще: рогожа проѣдена; лиса, лежа на возу покойницей, нагребла да скинула съ воза рыбки вдоволь, соскочила, да и пошла. Собравъ ее по дорогѣ, она сѣла подъ кустикомъ и сказала сама себѣ: «вотъ лисанька умница; за это спасибо; поработала, постаралась, такъ теперь и покушай за это, — а половину спрячь про черный день.» Такъ она часть рыбы закопала въ землю, засыпавъ сверху еще листьями, а половинку разложила передъ собой и стала ѣсть.

Между тѣмъ сѣрый, прождавъ цѣлый часъ понапрасну за курганомъ, видѣлъ, что извощики проѣхали мимо его спокойно и сталъ догадываться, что лиса его обманула. Онъ началъ пробираться оврагами да кустами назадъ, напалъ на слѣдъ лисы и засталъ ее за лакомымъ ужиномъ. Она сплела ему сказку, а сама торопилась доѣсть остатки тарани. Сѣрый долго сидѣлъ молча, только облизывался, все думалъ,

что сестрица сама догадается подѣлиться съ нимъ, по уговору; но видя, что этому не бывать и что рыбки остался одинъ хвостикъ, сталъ просить ее съ нимъ подѣлиться. «Вотъ еще», сказала она, «я сама наловила, такъ сама и ѣмъ; это не общая добыча, а моя.» — Ну хоть головку дай, — просилъ волкъ, — хоть хвостикъ... — «Ничего не дамъ, да ужъ и вся, нечего и давать; а ты что за дармоѣдъ? шатался Богъ вѣсть гдѣ, да и пришелъ въ нахлѣбники проситься!» — Ну такъ научи ты меня, сестрица, гдѣ ты достала рыбку? — «Да я же прямо на тебя поставила обозъ съ рыбой», сказала лиса, «развѣ ты не подобралъ ничего?» — Ничего, сестрица, и не видалъ ни одной рыбки. — «Такъ кто же теперь виноватъ? Я для тебя старалась, а ты Богъ знаетъ гдѣ прошатался, поди, догоняй обозъ, тамъ рыба черезъ верхъ сыплется, всю дорогу покрыла, поди, подбирай!»

Пошелъ сѣрый, повѣривъ сестрицѣ, догналъ обозъ, ни одной рыбки не видалъ, да еще и насилу ушелъ отъ собакъ,

которыя таки вычинили ему немного тулупъ, такъ что клочья висѣли. Воротился онъ къ лисѣ, которая между тѣмъ убрала до чиста всю добычу, и сталъ ее укорять. «Братецъ ты мой любезный», сказала она ему, «да что же я съ тобой дѣлать стану, коли ты и глупъ и нахалъ и никакого учливства ни поведенціи свѣтской не знаешь? Зачѣмъ же ты полѣзъ прямо на глаза собакамъ? Я послала тебя подбирать рыбку по дорогѣ, а ты полѣзъ къ возамъ!» — Да по дорогѣ нѣтъ ни одной, — отвѣчалъ сѣрый — я обнюхалъ все, нашелъ правда мѣстахъ въ двухъ слѣдочекъ, какъ будто рыбка лежала, отзывается таранькой — и только; а нѣтъ ни одной. — «Ну такъ видишь–ли, что я тебя не обманула; стало быть ты опоздалъ, кто нибудь подобралъ уже до тебя; самъ знаешь, такихъ ловчихъ какъ мы съ тобой, много тутъ шатается; не зѣвай впередъ.» — Сестрица, — сказалъ волкъ, — а мнѣ кажется ты все врешь! — «А, такъ насилу–то догадался», подхватила лиса; «чтожъ ты маленькій, что ли? По крайности признайся

же, что вашего брата нельзя не проучить иногда; иначе, кто тебѣ дастъ ума? вольно же тебѣ не знать шутки!» — Ну, ладно, сестрица, Богъ съ тобой, такъ скажи же хоть теперь — вѣдь ты не шутила, что рыбу ѣла въ моихъ глазахъ; гдѣжъ ты ее взяла? подѣлись, что ли! — «А гдѣ же я тебѣ возьму, коли нѣтъ больше? ты поди, да налови, какъ я наловила, вотъ у тебя и будетъ; я уморилась на-смерть и прозябла до мозговъ.» — Да скажи же хоть разъ правду, сестрица, не обмани меня хоть на этотъ разъ — вѣдь ужъ меня скоро вздуетъ отъ голода, такъ несчастливо задалось на первый разъ товарищество наше; скажи же мнѣ, гдѣ ты наловила? — «Пойдемъ, ей ей, истинно всю правду скажу и сама приведу тебя на мѣсто и покажу, гдѣ ловила, и научу какъ ловить!» — Ну, спасибо, сестрица.

Патрикѣевна привела сѣраго на рѣчку, подъ самую деревню, и посадила на краю проруби. «Вотъ», сказала она, «сядь на самый край, а хвостъ опусти въ воду и сиди какъ можно смирнѣе, не ворочайся, чтобы

не напугать рыбы, да приговаривай про себя: «ловись рыбка малая и большая»... только не разѣвай ротъ по своему обычаю, а то переполошишь все село, не только рыбу; говори про себя, втихомолку.» Волкъ сѣлъ, свѣсилъ хвостъ въ прорубь и сталъ просить сестрицу: — приговаривай и ты со мной пожалуста, а ужъ я стану говорить за тобой; у меня у старика и память слаба, да и языкъ, что шея, одеревенѣлъ совсѣмъ: я твоей скороговорки одинъ и не вымолвлю. — Лиса бѣгала вокругъ волка, то съ одного бока подойдетъ, то съ другаго, и кричитъ ему на ухо тонкимъ голоскомъ: «ловись рыбка малая и большая;» — ловись рыбка, — ворчалъ сѣрый сиплымъ голосомъ своимъ, отворачивая голову въ сторону; «малая и большая», кричала лиса — малая и большая, — повторилъ волкъ. Между тѣмъ лисичка приговаривала про себя: «ясни, ясни, на небѣ — мерзни, мерзни волчій хвостъ...» — Что ты нашептываешь про себя, — спросилъ сѣрый? «А я нашептываю пригодныя слова», отвѣчала сестрица, «чтобъ скорѣе рыба ловилась.» —

Пора, что ли, тащить, — спросилъ волкъ — кажись забираетъ, клюетъ что–то... — «рано, рано», отвѣчала лиса, «постой, за то много вдругъ вытянешь!» — Право пора, сестрица, прикажи потянуть, что то крѣпко щиплетъ... — «Постой, это долженъ быть ракъ; ну ракъ и есть, вотъ добыча будетъ! а ну, потяни»...

Потянулъ было сѣрый — такъ не тянется; дернулъ еще разъ — осѣкся, присѣлъ опять, да и глядитъ дуракомъ на лису, не зная какъ быть и что дѣлать. Лиса опрометью кинулась на село и стала сзывать и малыхъ и великихъ, и молодыхъ и старыхъ, кто хочетъ бить волка! А русскаго человѣка и хлѣбомъ не корми, коли доведется волка бить; выскочили всѣ; мужики съ дубьемъ, бабы съ помелами, съ кочергами — ребятишки съ плетками, съ хворостинами — всѣ на волка; а бѣдный волкъ ни съ мѣста; какъ ни повернется, все либо тому, либо другому бока подставляетъ; били они его били, колотили–колотили — пришло ему бѣдному терпѣть не подъ силу, уперся онъ лапами

въ ледъ, понатужился, и не пожалѣвъ хвоста, рванулъ изъ всей мочи, и оставивъ добрый клокъ шерсти во льду, на память добрымъ людямъ, пустился бѣжать со всѣхъ ногъ. Народъ за нимъ; волкъ на село — и тамъ народъ; волкъ на дровни, которые мужикъ покинулъ на берегу, побѣжавъ смотрѣть какъ волка бьютъ; лошадь испугалась, почуявъ за собою волчій духъ, понеслась и умчала волка благополучно за село. Вези куда хочешь, подумалъ онъ, ощипываясь да дрожа всѣмъ тѣломъ; все лучше чѣмъ пѣши бѣжать — руки ноги мнѣ перебили, бока всѣ отколотили. . . . постой, проклятая, попадешься, я тебя!....

Между тѣмъ лиса, подстерегая конецъ продѣлки своей, притаилась подъ заборомъ; а когда увидѣла, что волка не добили, что онъ вырвался, то стала придумывать, какъ ей теперь отъ него отдѣлаться. Зная что старъ и малъ всѣ теперь побѣжали за волкомъ, она кинулась въ первую избу, ухватила краюшку хлѣба, лепешку, пару яичекъ, пѣтушка да селезня, и все это

уклала въ мѣшокъ. За–тѣмъ она вскочила въ квашню и вся вымазалась тѣстомъ, а головку подвязала тряпицей и въ этомъ видѣ смѣло побѣжала своимъ путемъ въ лѣсъ.

Лошадь проносила волка взадъ и впередъ по всѣмъ дорогамъ, наконецъ умаялась и поворотила какъ то прямо встрѣчу лисѣ. Какъ только она увидѣла какой это баринъ ѣдетъ, то и легла поперегъ дороги. Волкъ наѣхалъ, лошадь остановилась; сердце у него у добряка отлегло; видя что сестра чуть жива лежитъ, поглядѣлъ онъ на нее и сказалъ: «что, безпутная, видно таки и тебѣ на орѣхи досталось? — и ништо, по дѣломъ, вотъ погоди еще я тебѣ прибавлю: я тебя проучу!» Лисанька приподняла головку. «Вотъ», сказала она, «какова благодарность у людей живетъ — я же за тебя пострадала, насилу живая ушла, и ты же меня попрекаешь!» — Полно грѣшить, сестрица, — сказалъ волкъ, — полно врать, ну гдѣ же ты за меня пострадала? — «Ахъ, братецъ, еще ты же мнѣ не вѣришь! больно

это мнѣ, братъ любезный, больнѣе побоевъ, право. Вѣдь я кинулась спасать тебя, когда увидѣла, что ты, по своей неосторожности попалъ въ бѣду; сколько разъ ужъ я тебя остерегала, обжорливость твоя не поведетъ къ добру, а когда нибудь ты съ нею попадешься; вотъ ты вздумалъ сорока–пудовую бѣлугу поймать, да и сѣлъ съ нею!» — А развѣ это бѣлуга была? — спросилъ волкъ. «Бѣлуга, братъ любезный, истинно бѣлуга, и бѣла вотъ какъ вода. А ты бы помнилъ пословицу: курочка по зернышку клюетъ, да сыта бываетъ... вотъ, какъ бѣлуга–то ухватилась за тебя, да стала тебя топить, я испугалась, да бросилась за помощью; тутъ народъ куда–то шелъ, встрѣтилъ меня, да какъ принялъ меня со всѣхъ сторонъ въ тычки да въ пинки — такъ ужъ я и не знаю гдѣ и какъ во мнѣ душа удержалась. . . вотъ, видишь, и головушку всю разбили, и всѣ кости такъ перемяли, что мозги наружу выступили...»

Волкъ не зналъ вѣрить ли ей, нѣтъ ли; что–то казалось ему, будто она ужь не впервые его обманываетъ; онъ обнюхалъ ее,

нахмурилъ брови, покосился, промолчалъ, да и полѣзъ опять на свои дровни. Стала лиса проситься, чтобъ онъ взялъ ее съ собой; однако онъ не захотѣлъ: «мнѣ» говоритъ, «больному человѣку, и самому тѣсно, да и санишки вовсе плохи, чуть живы; ужь лучше намъ, сестрица, не брататься съ тобою, и до грѣха разойтись. . . » Но лиса такъ умильно и жалобно стала просить его, позволить ей положить на сани хоть одну только перебитую лапку свою, что сѣрый наконецъ согласился. Лиса положила одну лапку, а потомъ и другую, а тамъ стала разсказывать ему о такихъ лакомыхъ блюдахъ, что у волка слюнки потекли и онъ развѣсилъ уши. Тогда лисанька положила и третію лапку, и четвертую, а наконецъ и хвостъ подтянула и сама вся ввалилась туда же. Она наѣлась за трехъ волковъ — и санки подъ нею крякнули. «Что это?» спросилъ волкъ. — А это дубъ трещитъ, — отвѣчала лиса. «Нѣтъ, то санки наши», сказалъ волкъ. — Ну, такъ это отъ тебя, толстяка, *наши* санки трещатъ, — сказала

лиса, вишь, какъ ты наѣлся! — «Нѣтъ, сестрица», молвилъ волкъ со вздохомъ, «бока вздуло у меня не отъ ѣды, а отъ худобы, да отъ побоевъ.» — Такъ ты голоденъ, бѣдняжка? — «Да какже не голоденъ, ты знаешь, что у меня сегодня еще насущной крохи во рту не было!» — Ахъ ты мой сердечный! такъ что же ты мнѣ давича не сказалъ? Воротимся скорѣй, благо *у насъ* санки есть и лошадка, вѣдь у меня собрано тамъ припасовъ довольно; привеземъ домой, да и поужинаемъ. — «Да ты все обманываешь?» Лиса стала такъ божиться, что ужъ и волку совѣстно было не вѣрить; воротились, взяли всѣ запасы, которые лиса украла на селѣ, и уклали ихъ въ сани. Тутъ рѣшето мучицы, кринка маслица, полстегна свѣжинки, курочка, селезень, узелокъ соли, гусь, одна борть меду... «Лисичка–сестричка», сказалъ волкъ, «не поужинать ли на скорую руку, въ сухомятку — оно бы кстати; и я голоденъ, да вѣдь и сани трещатъ; видно больно плохи!» — Стыдно тебѣ, обжора, не успѣешь наѣсться! тебѣ все бы только

одному убрать въ ненасытимую утробу свою! да развѣ санямъ легче будетъ: что ты все это вобьешь въ свой мѣшокъ, да и самъ взвалишься? такъ ужъ лучше слѣзь, поди пройдись немного пѣшкомъ; вѣдь если и трещатъ сани наши, такъ отъ тебя одного! — Согнала она старика съ воза, заставила итти пѣши — а сани опять крякнули. «Это же что?» спросилъ волкъ. — Это, — отвѣчала Патрикѣевна, — я орѣшекъ разгрызла. — «Такъ дай же и мнѣ!» — Да послѣдній; одинъ только и былъ. — Опять крякнули сани, опять говоритъ орѣшекъ, и опять таки послѣдній — а за третьимъ разомъ вязки разсыпались и сани развалились. Какъ быть тутъ? Сколько ни перекорялись, а кончилось тѣмъ, что надо чинить сани; волкъ остался во всемъ виноватъ и ему же пришлось итти въ лѣсъ, вырубить новые вязки да накопыльникъ.

Лиса осталась покараулить возъ, и обшаривъ, обнюхавъ его кругомъ, нашла въ немъ еще подъ сѣномъ мѣшокъ сыру, да кринку сметаны. «Вотъ», сказала она, «Богъ далъ еще добра; таки спасибо,

добрыхъ людей не забываетъ; а дуракъ этотъ, названный братъ мой, сидѣлъ на съѣстномъ, да со страху не донюхался; видно ему не только память, и чутье отшибли.»

Убравъ всѣ пожитки, Патрикѣевна вздумала еще порядкомъ потрунить надъ товарищемъ своимъ и напугать его: она прогрызла у лошади бокъ, выѣла у нея всѣ животы, начинила ее живыми воробьями и заткнула соломой; лошадь окоченѣла, замерзла и стояла какъ живая. Воротившись, волкъ вычинилъ сани, сѣлъ и сталъ понукать — нейдетъ лошадь. «Поди,» сказала Патрикѣевна, «что же ты бариномъ такимъ разсѣлся? поди, погляди за чѣмъ дѣло стало, видно ты запрягать не умѣешь!» Волкъ обошелъ, оправилъ все и увидалъ солому. «Вишь», говоритъ, «какъ брюхо набила, солому претъ изъ нея» и потянулъ зубами солому — а животы и выпорхнули!

Вотъ лиса и напустилась на него: «Что ты это надѣлалъ, старый бѣдокуръ! На чемъ же мы теперь поѣдемъ? Вѣдь лошадь

теперь ужъ не жива; ты всѣ животы выпустилъ!» Волкъ испугался; Патрикѣевна принялась его стращать еще больше, что вотъ–де скоро наѣдутъ мужики, да застанутъ насъ съ тобой въ расплохъ, такъ и поплатимся; тогда все пропало, весь запасъ что собирали! — Какъ быть? — «Да больше нечего дѣлать, братишко, какъ лѣзть тебѣ въ хомутъ, да везти сани съ поклажей домой.»

Не хотѣлось бы волку въ хомутъ, не привычное дѣло — да какъ быть; лиса права — самъ онъ виноватъ, выпустивъ неосторожно животы изъ кобылы, что ѣхать не на чемъ; стало быть надо браться за гужъ самому. А взялся за гужъ, такъ и не говори что не дюжъ; какъ надѣлъ онъ на себя хомутишко, да шлею накинулъ, да какъ засупонила его лиса, пригнавъ по немъ упряжь за великое одолженіе — такъ и стала погонять и въ хвостъ и въ голову, только знай возжами потряхиваетъ, да кнутишкомъ помахиваетъ. «Брось кнутъ», сказалъ сѣрый сестрицѣ, «на что же ты меня по пустякамъ стращаешь?» — А

нельзя же, братецъ, — сказала лисанька, — самъ ты умный человѣкъ, знаешь, что и какъ водится: гдѣ же ты видѣлъ, чтобъ кучеръ безъ кнута на козлы сѣлъ? — Смолчалъ горемыка нашъ, самъ тянетъ въ упоръ и приговариваетъ: «битый, битаго везетъ!» А лиса переговариваетъ по своему: — битый не битаго везетъ. — «Что ты мурлычешь?» — спросилъ волкъ. — «Охъ, братишко, и плачу да пою за тобою слѣдомъ: битый битаго везетъ; что ты говоришь, то и я!»

Лиса стегнула сѣраго порядочно; онъ испугавшись дернулъ, сани ударились о пень и перевернулись; вся кладь вывалилась, а пѣтушокъ, котораго лиса изъ жалости не придушила, выскочилъ и пустился бѣжать со всѣхъ ногъ. Досталось бѣдному волку тутъ на орѣхи; какъ ни бился онъ, доказывая лисанькѣ, что она же сама бѣдѣ этой виновата, а кончилось тѣмъ, что сѣрый и самъ повѣрилъ, будто онъ всему причиной. Что у меня за глупая голова, подумалъ онъ — или мнѣ ужъ память вовсе отшибли; о чемъ ни

говоришь — вотъ таки кажется понимаешь дѣло ясно и не сомнѣваешься ни въ чемъ, — а какъ эта оструха напустится по своему, да растолкуетъ, такъ и сядешь себѣ дуракъ дуракомъ, ровно вотъ ничего не смыслишь!

Пѣтушокъ, котораго лисанька поймала и по неосторожности опять упустила, былъ знакомый нашъ золотой гребешокъ, масляна головка, что жилъ да служилъ у старика со старухой. Наостривъ лыжи, пустился онъ, не переводя духу, домой, прибѣжалъ запыхавшись, такъ, что и слова не могъ вымолвить, вскочилъ на заваленку и давай стучать носомъ въ оконце. Курочка, увидавъ его и обрадовавшись, подбѣжала было къ нему, но онъ не сталъ съ нею и толковать: «поди», говоритъ, «отвяжись старуха, не до тебя теперь, некогда;» и принялся опять стучать сильнѣе прежняго. «Что такое съ пѣтушкомъ нашимъ,» сказалъ старикъ — и вышелъ посмотрѣть; а за нимъ и старуха. Пѣтухъ, увидавъ ихъ, пустился бѣжать опять по той дорожкѣ, по которой уѣхали волкъ съ лисой, приговаривая: «вотъ, вотъ, вотъ...

тутъ, тутъ, тутъ...» Старички, не понимая чего отъ нихъ хочетъ пѣтухъ, шли однакожъ за нимъ и все за нимъ, а онъ оглядывается, манитъ ихъ и все бѣжитъ впередъ. Такимъ образомъ онъ довелъ ихъ прямо до попутчиковъ–односумовъ нашихъ, до волка съ лисой, которые, послѣ долгихъ перекоровъ, все еще не могли справиться съ возомъ своимъ; сѣрый просился у лисы: «разсупонь–де меня, да распряги, такъ я тебѣ помогу возъ поднять»; а лиса говорила: «обманешь, въ лѣсъ уйдешь; твое дѣло везти, а мое поправлять да погонять.»

Въ такомъ то расплохѣ старикъ со старухой застали волка съ лисой: лисанька, увидавъ ихъ, бросилась въ лѣсъ и только хвостомъ вильнула; а сѣрому некуда дѣваться, стоитъ въ оглобляхъ, поджавъ хвостъ, да напрягая спину подъ дубину. Но старикъ не сталъ бить сѣраго, потому что ужъ уйти ему было некуда, а подумалъ: пусть же онъ насъ, за всѣ грѣхи свои, прежде довезетъ домой — авось еще дорогою покаится, такъ легче будетъ ему на

томъ свѣтѣ. Сѣли они вдвоемъ на сани, пѣтушка посадили съ собою, да и поворотили назадъ. Волкъ бѣжалъ во весь духъ, ровно кто его жегаломъ подгоняетъ, и добѣжавъ безъ памяти до избы нашего дѣда, грянулся о–земь и вывалилъ на поларшина языкъ. Старикъ со старухой, прокатившись на диво всему міру на волкѣ по селу, переносили всѣ припасы съ саней въ избенку свою, а потомъ перелобанили сѣраго, сняли съ него шкуру и продали ее. Такъ стали они жить да поживать и съ легкой лисанькиной руки по маленьку разживаться; да только вотъ бѣда: какъ за ложку, такъ и за ссору. Напекли они съ радости пироговъ, наварили щей и всякихъ хорошихъ яствъ; а какъ подала старуха щей горшокъ съ пылу, да вылила въ чашку, да посолила, да принялись ѣсть — то баба стала мѣшать по своему, отъ себя; а дѣдъ также по своему, на себя.

И я тамъ былъ, медъ и пиво пилъ, курникъ ѣлъ, пѣтушкомъ запѣлъ; по усамъ текло, въ ротъ не попало, на душѣ тепло и сытно стало. В. ДАЛЬ